

**ТЕМА ПОРАЖЕНИЯ И ГИБЕЛИ АРМИИ В ШВЕДСКОЙ И
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ ЭПОХИ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ***М. Ю. Люстров*

Одной из основных тем шведской политической поэзии первых лет Северной войны является победа над многочисленными и объединившимися врагами. Как следует из шведского стихотворения «Несколько простых рифм», Карл XII «...трижды низложил своих врагов и сделал шведов богатыми хвалами и победами»¹ (имеются в виду победы над датчанами, саксонцами и русскими). Первым успехом Карла XII в русско-шведской (а не Северной, начавшейся с отражения атаки саксонцев на Ригу и победы над Данией) войне стал разгром русской армии под Нарвой в ноябре 1700 г.: в том же панегирическом стихотворении отмечается, что под Нарвой небольшая шведская армия одолела огромное русское войско и город был спасён («тогда твои вздыхания и печаль преобразились в радостный возглас»)². Этой победе посвящено большинство шведских панегириков 1700–1701 гг.: нарвские победословия создавались в форме «радостных восклицаний» («Радостное восклицание Швеции по случаю бесподобной победы под Нарвой»), разговоров с поверженным противником («Разговор между шведским солдатом и русским пленным в лагере перед Нарвой»), застольных песен (в «Радостной игре и песне чести в превосходной опере, поставленной на зимних квартирах в замке Лаис» М. Стенбока) и солдатских песен («Марш-песня шведских солдат под известную мелодию» В. Крузе)³.

В шведских сочинениях 1706–1709 гг., посвящённых событиям продолжающейся Северной войны, появляются новые темы. Так, в стихотворении К. Бьеркмана «Награда героев после смерти», написанном после победы Карла XII при Головчине летом 1708 г., повторяются мотивы посленарвских панегириков («...король Карл сокрушил огромную русскую силу, которая намеревалась защищаться»). Однако это стихотворение посвящено не столько военному успеху, сколько погибшим шведским воинам («...но ах, я в сердце желаю славить их живых, а не в могиле»)⁴. Первые шведские победы были столь блестящими, а потери столь незначительными, что отдельной темой гибель шведских солдат могла стать лишь по прошествии некоторого времени, когда война начала казаться долгой и утомительной (хотя о павших героях шведские авторы писали и в самом начале войны, например, в стихотворении 1702 г. Т. Рудена). Кроме того, через несколько лет после начала Северной войны в Швеции начали выходить сочинения, в которых уничтожение неприятельских войск перестало восприниматься как несомненное благо. В изданной в 1707 г. проповеди Д. Хагерта говорится, что «...на Севере бьет сильный кровавый источник», что «вражеская сторона» несёт огромные потери и «лежит в своей крови». В книге говорится о справедливой мести кровожадным врагам и победах, одержанных королём и его «храбрыми генералами». Одна-

ко, вспоминая о 18000 русских, погибших под Нарвой, Хагерт отмечает: «Ах, ужасно слышать, и поэтому для всего мира невероятно». Для шведского автора слышать о гибели огромного числа неприятелей не «радостно», но именно «ужасно» (кроме того, здесь употреблено то же передающее сильное душевное волнение междометие, что и в размышлениях Бьеркмана о гибели шведских солдат или о пребывании Карла XII в Бендерах – «...тебя не трогают тысячи моих «ах» и «увы»⁵, ср. с русским: «Из оной маслины, из онаго дуба и кедра ливанского (ах, жалостной измены) явился быти тростию, ветром колеблемою, и бесом игралище» – в «Слове перед проклятием Мазепы» Стефана Яворского⁶).

В шведских и русских победословиях описание библейского истребления врага должно вызывать у читательской аудитории исключительно положительные эмоции. Так, в стихотворении знаменитой шведской поэтессы С. Бреннер «На чудесную и замечательную победу, одержанную Его Королевским Величеством над Царем Москвы под Нарвой 20 ноября 1700 г.» рассказывается о горах мёртвых тел и текущих между этими горами ручьях крови⁷, в «Епиникионе» Феофана Прокоповича говорится, что «Укри труп свейский поле, падеся род лютый», а в слове «В похвалу Санктпетербурга и его Основателя» Гавриила Бужинского – что «...зрят многие грады Польские и до ныне по полям разбросаны лежащая кости Свейския» (примеров такого рода много и в шведской, и в русской панегирических литературах времени Северной войны).

Конечно, при анализе этого фрагмента проповеди Хагерта необходимо учитывать и контекст (на Севере не прекращается «кровотечение», если враги истекают кровью, то и «наша сторона» страдает от войны, и в Швеции «много опечаленных сердец, жалующихся ртов и плачущих сиротских глаз»), и то обстоятельство, что сочинение Хагерта – не победословие, а проповедь, допускающая, по всей видимости, и такое отношение к неприятелю (точно так же, правда, без указания на масштаб кровопролития, шведский автор оценивает победы над прочими врагами). При этом в проповеди Хагерта содержатся совсем не миролюбивые, характерные и для русских сочинений того же жанра замечания, например, о пользе молитвы, помогающей одолеть врагов («...молитва была и есть лучшее оружие Божьих детей»⁸ у Хагерта и «Щит и оружие во брани на врагов молитва к Богу» – в «Слове о молитве в четверок 1 недели по Святом Дусе»⁹ Димитрия Ростовского).

Характерно, что в этом фрагменте шведский автор вновь вспоминает победу под Нарвой, являющуюся, по мнению шведских панегиристов, ключевым событием русско-шведской войны до 1709 г. В русских непобедословных текстах встречаются случаи «сочувственного» отношения к поверженному врагу (например, в помещённом в «Журнал или Поденную записку» «Предложении Бестужева, резидента в Лондоне, Британскому двору. 17 окт. 1720» говорится: «Но когда все-сильный Господь толь благословил оружия Его Царскаго Величества, что пространная намерения сего гордаго неприятеля были пресечены и дерзкия его предприятия разрушены при Полтаве совершенным разбитием его сильной армии: каждый старался воспользоваться нещастием Швеции и хотел захватить из областей сей короны что благопристойнее каждому к его владениям было»¹⁰). Однако столь

неоднозначное, как в проповеди Хагерта, отношение к вражеским потерям в русских текстах, кажется, не обнаруживается.

О дальнейшей перемене настроения шведских авторов говорится в слове на погребение Карла XII, где после рассуждений о Божьем гневe следует пассаж: «...мы торопились с нашим Высокоблагенным Королевским величеством и ближе подходили к месту, где удача Его Величества, а также вся наша радостная и победная поэзия оказались совершенно в ином положении»¹¹. Далее помещён рассказ о победе шведов под Головчиным, поражении «великого и победоносного» генерала Левенгаупта под Лесной и катастрофе под Полтавой. О стремительности, с которой происходили военные события в первой половине 1709 г., и о неожиданности результата Полтавского сражения позволяют судить шведские сочинения, созданные в 1709 г. Так, в «Новой и очень веселой военной песне» повествуется о скорой и несомненной победе Карла над «выжидающим» царём Петром («Как король Карл выиграет? Он (Пётр. – *М. Л.*) бежит перед войском Карла / Где он (Карл. – *М. Л.*) может найти Русского? / Однако Король Карл выиграет; С бодрым шведским духом / и готской кровью / С Божьей Помощью»¹²). Точно так же в стихотворении известного шведского поэта Ю. Гейслера, посвящённом дню рождения Карла XII 17 июня 1709 г., говорится, что Бог сделал Карла величайшим королём среди северных монархов, что его слава распространится во вселенной и он остановит безудержное насилие русских¹³.

В свою очередь первые шведские стихотворные отзывы о полтавской катастрофе были напечатаны уже в августе 1709 г. Реакция на это событие последовала столь быстро, что автор стихотворения «Гетеборгское утешение» (представляющего собой ответ на предполагаемый вопрос недругов: где Бог их?¹⁴) В. Крузе ещё ничего не знает о судьбе своего короля («Твой король со своим народом уже лежит сраженный» и далее – «...ты великий король Карл; я надеюсь, что ты еще жив») и надеется на помощь Бога («...но ты, который в древности помогал Давиду...»)¹⁵. Об опасности, угрожавшей жизни короля, и его чудесном спасении после полтавского разгрома шведские авторы вспоминали по прошествии значительного времени. Так, в «благодарении» Ю. Витте 1715 г., посвящённом прибытию короля в Стральзунд после длительного пребывания в Турции, говорится, что Бог «изъял нас из многих опасностей» и вспоминает время, когда «беспощадная молва разносила, что Король был ранен, потом Король был пленен, потом Король был убит»¹⁶. Появление этого мотива в шведских стихотворениях, повествующих о возвращении короля, имеет своё объяснение: счастлиное прибытие Карла рассматривается шведскими панегиристами как новое подтверждение расположения Бога к Швеции и её королю.

О поражении и новом плачевном положении дел в стране говорится в напечатанных шведских стихотворениях на наступающий 1710 г. Так, «Новогоднее пожелание» начинается с четверостишия: «Сейчас мы должны восхвалять Бога за прошедший год, / Хотя для многих время было очень тяжелым, / Но Бог, что изменяет все, может подать лучшие времена / И все наше горе превратить в радость»¹⁷; в «Нижайшем новогоднем пожелании счастья Шведского государства ...

Ульрике Элеоноре» отмечается, что «...принцесса ... в эти мрачные времена даёт надежду...»¹⁸.

Об унынии, царящем в Швеции после Полтавы, говорят сочинения, созданные в благополучное время шведских побед и напечатанные вскоре после катастрофы. Так, издание трактата С. Исогеуса «Победный щит Карла» появилось в 1714 г. и включает предисловия, повествующие о ситуации в Швеции после 1709 г.

В прозаическом предисловии К. Хедмана отмечается, что «Бог ... хотел всегда сохранять Ваше Королевское Величество как своего помазанника и нашего дорогого Отца Отечества и защитника», и все «...убеждены, что он в свое время помогает несчастному народу и что он унижает высокомерие»¹⁹. В стихотворном же предисловии речь идёт о «купающихся в крови» тиранах, которые «сжигают города и деревни, ненавидят Бога и соседей», а также о тех, «кто осмеливается умереть ради своего короля и ради своего отечества».

В другом стихотворном предисловии, принадлежащем Я. Лангу, проводится традиционная для шведских послеполтавских сочинений мысль о войне – «грехонаказании». Описание отвратительного «творения войны» и «военных нравов» заканчивается утверждением, что «это должна была испытать наша Шведская земля / Нашими грехами мы это заслужили, ибо война – есть наказание за грехи». В свою очередь в самом трактате Исогеуса говорится, что «Бог отводит в надир все другие несчастья и защищает и хранит для нас Его Величество Короля Карла XII с ... ожившими звездами Королевской жизни к нашей отраде и радости».

В том же 1714 г. в Швеции издавались панегирики, посвящённые возвращению Карла XII из Турции и содержащие схожие пассажи, однако Исогеус имеет в виду события начала Северной войны и первые шведские победы над датчанами, саксонцами и русскими²⁰. Рассказ Исогеуса о нарвском сражении практически полностью совпадает с его же описанием Нарвской битвы в панегирической проповеди «С Божьей помощью», напечатанной через 2 месяца после победы, в феврале 1701 г.: «Наши враги, вторгшиеся в Лифляндию и Ингерманландию, не могли поверить, что Его Величество, который находился далеко на Западе, сможет осенью прибыть по морю на Восток и воспрепятствовать их убийственным намерениям. Но присутствие Короля сделало скоро вероятным то, что казалось людям невероятным. Какой генерал мог бы осмелиться напасть на врага русского, осаждавшего Нарву в своем сильно укрепленном лагере, взойти туда и с 8000 утомленных морем и тяжелым маршем через всю Лифляндию 80000 ... победить? Но смотри, Великий Король Карл XII осмелился и в благословенный Богом миг и с Его помощью опрокинул врага: взял больших и высших генералов в плен ... и освободил город от тяжелой осады и угрозы уничтожения»²¹. Естественно, о победе, одержанной 20 ноября 1700 г., шведские авторы вспоминали и после Полтавы, однако в книге Исогеуса рассказ о Нарвском триумфе принадлежит автору, не имевшему представления о последующей катастрофе и считавшему Карла XII непобедимым полководцем. Пример издания трактата Исогеуса – не единственный: стихотворения С. Бреннер, посвящённые Нарве и созданные сразу после победы, включены в ее «послеполтавский» сборник «Стихотворения, написанные на раз-

ных языках, в разное время и по разным случаям» (Стокгольм, 1713, первое издание – 1709).

Таким образом, если авторы предисловий к трактату Исогеуса говорят о Божьем наказании Швеции, то сам Исогеус настаивает на её Божьем благословении, и для шведского читателя середины 10-х гг. его рассуждения являются лишь воспоминанием о славной, но уже прошедшей эпохе. Точно так же о переменах, произошедших в шведской литературе за первые 10 лет XVIII в., позволяют судить названия сочинений, изданных в начале Северной войны и вскоре после Полтавы. На смену панегирических «Радостных кличей» и «Радостных звуков» 1701 г. приходят «Простое жалобное стихотворение на нынешнее тяжелое положение Швеции» или «Мысли и замечания на чуму этого времени» 1711 г.

Тема полтавского поражения сохраняется в шведских сочинениях, посвящённых последующим победам. В стихотворении известного шведского поэта, автора панегириков на латинском языке А. Стобеуса, посвящённом победе над датчанами в 1710 г., говорится о «великом поражении на широких Полтавских полях», «потери для нашей страны многих тысяч храбрых героев», «многих убитых и многих плененных», которых «враг увел в далекие чужие земли», и о том, что «Бог истощил несчастный народ»²².

В упоминавшемся сочинении Витте о Полтаве не говорится ни слова, однако, надо понимать, несчастья Швеции начались именно с этого события (как следует из текста, когда страна лишилась своего короля, «враги начали захватывать одну провинцию за другой», «тогда стали наши глаза источником слез», «тогда плакали мы горько по нашим павшим»²³). Не случайно в адресованном Карлу XII «Пожелании счастья» на новый 1713 г. знаменитого шведского поэта Ю. Руниуса говорится о «новых силах в королевской руке против гордых угроз и досад» и расцвете государства после того, как король вернется домой²⁴.

В шведских стихотворениях первой половины 10-х гг. Полтава вписывается в ряд событий Северной войны и заканчивает череду непрекращающихся военных успехов Швеции. В стихотворении профессора логики и метафизики А. Руделиуса, написанном в 1715 г. и посвящённом возвращению Карла XII из Турции, задаётся вопрос: «Кто вынудил Карла испить под Полтавой крестную чашу, грех иссушил молитвенную прекрасную Розу Победы?». В стихотворении П. Линнерио, посвящённом тому же событию, говорится, что Бог помогал Карлу и сделал его имя славным во всём мире, однако «... внезапно перевернул страницу тогда, / Когда в сражении под Полтавой послал нам такое несчастье, / Что все силы государства были забиты как овцы, / И что прочие были уведены в тяжелое рабство»²⁵.

В некоторых сочинениях, посвящённых прибытию Карла из Турции в Стральзунд, о Полтаве говорится как о неудаче, после которой Швеция смогла оправиться. Так, в прозаическом панегирике «Прощай, Оттоманская Порта, здравствуй, Швеция» упоминаются «умные статисты», полагавшие, «что Бендеры были гробом и что для всего мира знаменитый герой Карл XII после сражения под Полтавой исчез», однако, по мысли панегириста, своим счастливым возвращением шведский король опроверг все «ложные слухи»²⁶.

В сочинениях, посвящённых гибели Карла и подводящих итог Северной войны, Полтавская битва называется «полтавским несчастьем», после которого подняли голову уже поверженные враги – Дания и Саксония²⁷. В том же издании отмечается, что после «разгрома Шведских военных сил ... все отечество пришло в смущение»²⁸. В панегирике шведского поэта У. Руденшельда, написанном в 1727 г. и посвящённом дню рождения королевы Ульрики Элеоноры, содержится перечень основных событий войны с участием Карла XII: победы над Польшей и Россией, Полтава («...но ах, Полтава, ах, там твой клинок стал неверным...»), бегство в Бендеры и последние годы неудач.

Кроме Полтавской катастрофы, шведские авторы отмечали потерю Швецией Риги. В упоминавшемся стихотворении Руделиуса говорится, что сразу после Полтавы «пришел беспощадный Русский и взял нашу великую Ригу, и это причинило нам огромное огорчение». А в стихотворении Ю. Руниуса на «счастливое возвращение из вражеской власти» графа Н. Стромберга сказано: «Я бесконечно рад / И не могу молчать, / Хотя Русский получил Ригу, / Прекрасный город»²⁹. В свою очередь в сочинении 1714 г. Ю. Гезелиуса-младшего рассуждения о человеческих грехах и Божьем наказании иллюстрируются примером из современной шведской истории: «Мы имеем перед глазами наше собственное несчастье. Когда города Рига, Нарва и Выборг в свои первые осады были чудесно поддержаны и защищены Богом, находились они после этого в безопасности, и так пришло затем к ним несчастье»³⁰.

В свою очередь темой русских батальных стихотворений рубежа XVII–XVIII вв. могла быть только победа. Характерно, что в России стихотворные панегирики посвящались не только удачному Азовскому походу 1696 г. (например, многочисленные анонимные канты или изданная в Амстердаме в 1700 г. «Слава знамен» И. Копиевского), но и неудачному Крымскому походу В. В. Голицына, который как поражение не воспринимался (например, в «Стихах во славу Всетворца пресветлаго Бога и в честь пресвятыя Девы Богородицы Марии на изьявление Крымскаго похода вкратце» Кариона Истомина говорится: «Бог бо пособи всероссийским воем / Злобжик же побьгоша роем», или «Дня двадесята полки у стьн быша / От Перекопи в цьлости вратиша», или «Днесь познаша в Крым путь росски народы / Благонравнии Царски воеводы»³¹).

В России, начавшей Северную войну с Нарвского поражения, отзывы о текущих событиях стали появляться в предисловиях к изданиям 1702 г. (например, в киевском «Отечнике»). Первым сочинением, специально посвящённым победам в Северной войне, стал панегирик «Торжественная врата, входящая в храм безсмертная славы непобедимому имени» (М., 1703). Как известно, произведения, посвящённые русским победам, появлялись на протяжении всей Северной войны, в текстах, созданных сразу или вскоре после 1709 г., говорится о полной победе: «Царю Петру вся сила Шведска покорена...» (стихотворный панегирик гетману И. Скоропадскому в книге «Молитва Господня Отче наш» (1709) Иоанна Максимо-вича) или «... трудная и то гора, крутая и не легко восходительна была льва шведскаго ненасытний гортань укротити, скрежещущие зубы его сокрушити, и толикаго

неприятеля, так крепкого и сильного, пред которым вся Европа трепетала, под нозе покорити» («Моисей Российский к освобождению людей христианских от работы египетския – турецкия Богом избранный» (1711) Стефана Яворского³²).

Строго говоря, и шведские, и русские авторы избегали говорить о военных неудачах. По всей видимости, единственным поражением, ставшим предметом рефлексии шведских поэтов, стала полтавская катастрофа (в Швеции была напечатана реляция о падении Нотебурга в 1702 г. и битве под Лесной в 1708 г., неудачи упоминаются в описаниях событий Северной войны, но шведские стихотворения, посвящённые этим событиям, кажутся, отсутствуют).

Вместе с тем в количественном отношении русским победословиям, посвящённым Полтавской победе в 1709 г., соответствуют шведские панегирики, посвящённые победе под Нарвой в 1700 г.: по своему общественному резонансу эти военные успехи были равновеликими. Однако, в отличие от шведских авторов, начавших рассуждать о причинах и последствиях Полтавского поражения сразу после катастрофы, русские книжники о Нарвском разгроме начали писать лишь после военного «реванша». Победа, одержанная после поражения, является темой празднеств, посвящённых победе у мызы Эрестфер (29 декабря 1701 г.), и новогоднего фейерверка 1704 г.³³ В русских сочинениях, созданных после Полтавы и последующих побед, «нынешняя» сильная Россия противопоставляется слабой и не готовой к войне России начала столетия. Так, в «Слове о состоявшемся мире» Феофан Прокопович говорится, «...что Россия слаба и нага, но и аще аки от сна возбуждена, метнулася на нападника своего давно силнаго и уже весьма на вред ея готоваго»³⁴. В «Журнал, или Поденную записку» включён следующий «нарвский» фрагмент: «...все то дело, яко младенческое игранье было, а искусства ниже вида, то какое удивление такому старому, обученному и практикованному войску над такими неискусными сыскать викторию? Правда, сия победа в то время зело была печально чувственная, и яко отчаянная всякия впредь надежды и за великий гнев Божий почитаемая; ныне, когда о том подумаешь, во истину не гнев, но милость Божию исповедати долженствуем»³⁵.

При этом в русских панегириках последних лет Северной войны русско-шведский конфликт 1700–1721 гг. представлен как бесконечный ряд русских побед, среди которых нет места поражению: «...по сих благополучных началах, по сих и сим подобных на многих местах неизчислимых благополезных сражениях и победах, неизчислимых глаголю, их же множества едва умом объяти и ниже кратким словом описати можно, их же превеликия историческия исполнены книги, благополучных же потому, что они всегда России торжество, Сvei срам и безчестие раждали, едина сицевая последовала рать...» («В похвалу Санктпетербурга и его основателя» Гавриила Бужинского).

Вместе с тем «проповеданное» «во время начатия Шведской войны» слово Димитрия Ростовского датируется, по мнению И. Шляпкина, 19 июня 1701 г. (текст называется «О молитве в четверок 1 недели по Святом Дусе»), т. е. создано через 7 месяцев после Нарвского разгрома. По словам исследователя, «во время Шведской войны, тяжелого жития после Нарвского поражения, среди общей тре-

воги и безденежья речь Димитрия указывает на необходимость испытаний и труда для будущих успехов и на силу молитвы»³⁶. Однако в слове Димитрия о Нарве не говорится ничего, речь здесь идёт о необходимости молиться перед началом справедливой войны (а не после тяжелого поражения): «Ты же, православная Россие! Толикое время от соперника своего обиду терпевшая, к милостивому и истинному Судии припади со слезами, да отмстит тя, Его же милости и истины и в сем деле так много дознала еси и ныне, токмо припади со слезами и усердием, отмстит тя, и совершенною исполнит радостию»³⁷. Автор называет причины начала шведской войны, обосновывает законность русского вторжения и «полемизирует» со шведскими пропагандистами, обвиняющими Петра в вероломстве. При этом о каких бы то ни было военных столкновениях в проповеди не говорится ни слова: «Прехрабрии мужие пот свой за вас изливают, готови и кровь, аще Бог изволит»³⁸, хотя, судя по всему, к этому времени русские уже потерпели страшное поражение. Точно так же Нарва не упоминается и в «Речи того же Просвещеннаго Митрополита к Великому Государю, егда Архимандрит быв, с Украины прииде», датированной мартом 1701 г., то есть созданной через 3 месяца после Нарвы. Про русскую армию здесь сказано, что «храброе воинство, то лице львово, с зельным устремлением на брань текущее, а за Государя своего здоровье свое полагающее»³⁹.

Примечательно, что Нарва упоминается в русских книгах, напечатанных до взятия этого города русскими в 1704 г. Например, в «Арифметике» (1703) Л. Магницкого перечисляются шведские города, по всей вероятности, бывшие на слуху русского читателя: «Стеколна есть 59 градусов и 20 минут и широта Нарвы или Ругодева есть 59 градусов и 6 минут, и положи сия два места единыя широты быти ради примера 59 градусов и против сего градуса в пятой таблице секунд есть 1854 разнство же долготы сих мест есть 10 градусов и 50 минут»⁴⁰. Однако ни о военных действиях, ни, тем более, о недавнем поражении в ноябре 1700 г. речь здесь не идёт (хотя, как следует из стихотворного предисловия, такая связь могла существовать, поскольку математические вычисления используются в военном деле: «Арифметикъ любезно учися / В ней разных правил и штук придержися / Ибо в гражданстве к дѣлам есть потребно / Лечити твой ум, аще числит вредно / Та пути в небѣ рѣшит и на мори, / еще на войнѣ полезна и в поли / Обще всѣм людем образ дает знати / да бы исправно в размѣрах ступати»).

Естественно, и в Швеции, и в России эпохи Северной войны издание победословий являлось частью пропагандистской деятельности государства. С этой точки зрения публикация сочинений, посвящённых поражению своего монарха, становилась абсолютно бессмысленным актом. В самом деле, шведские рассуждения о военной катастрофе издавались не в государственной королевской типографии, однако сама возможность их появления в каролинской Швеции весьма показательна. Повторим, что в России начала XVIII в. публикация таких текстов была немислима.

Исследование показывает, что отсутствие некоторых «военных» тем в русской литературе начала XVIII в. объясняется ходом военных действий. Так, в отличие от Карла XII, потерявшего армию и спасшегося в Турции, Пётр I благопо-

лучно вернулся и из-под Нарвы в 1700 г., и из Прутского похода в 1711 г. Естественно, тема верности монарху, претерпевающему невзгоды, возникла лишь в шведской литературе (например, в стихотворении «Королевское эхо» (1714 г.) говорится: «Бесподобен тот Король, который любим в несчастьи», а в славословии Карлу XII, напечатанном Ю. Витте в 1715 г., задаётся вопрос: «Какое-нибудь несчастье, которое произошло не по его воле, могло бы отнять у него нашу любовь и наше верное сердце?» – и утверждается, что шведы честны и богобоязненны, что они не уподобятся ненадёжным афинянам, отвернувшимся от «славного Алцибиада», как только тому перестала сопутствовать удача и потому покрывших себя позором⁴¹. Однако отсутствие в русской литературе Петровского времени темы поражения объясняется не военной реальностью и не различным уровнем развития русской и шведской литератур, а более жёстким, нежели в Швеции, контролем со стороны государства.

¹ Några enfaldiga Rijm-rader öfwer Konung CARL den Tolfftes Ehrhåldne Trenne store VICTORIE I diupesta Underdånighet framtedde af J.M.C. // Palmsk. 15. – S. 1066.

² Ibid. – S. 1065.

³ Краткий обзор шведских пропагандистских сочинений, созданных, в том числе, и после Нарвы, сделан в книге О. Ларсона: *Larsson O. Stormaktens sista krig. Sverige och stora nordiska kriget. 1700–1721.* – Lund, 2009. – S. 113–135 (гл. «Det svenska Israel»).

⁴ Hieltars Prijs efter Döden / yttrat Öfwer de Kaske Swänske som uti Slaget wid Staden Holofsin den 4 Julij Åhr 1708 Lemonade Lifwet åt wanskligheten / men förwärfde odödelige Namn uti tiden af C. B. Stockholm, 1708.

⁵ Swea=Rikes Klagan öfwer Sin Stora Konungs bortowarande i Bender, till aldradiupaste underdånighess betygande upsatt af Carl Biörkman. – Stockholm, 1713 / Palmsk. saml. 387. – S. 1473.

⁶ Труды Киевской Духовной Академии. – 1865. – № 12. – С. 507.

⁷ Sophiae Elisabeth Brenners Ut i åtskillige Språk Tider och Tilfällen författade Poetiske Dikter ... – Stockholm, 1713. – S. 150.

⁸ I.N.J. Fons Sangvineus In septentrione, Eller En i Norden upsprungnen och starckt flytande Blodz-Liälla ... S.76.

⁹ Сочинения святого Димитрия митрополита Ростовскаго. Т. II, содержащий в себе поучения на Воскресные дни. – М., 1827. – С. 335.

¹⁰ Журнал или Поденная записка. – СПб., 1770. – Т. 2. – С. 697.

¹¹ Then Stormächtigste Konungs / Konung CARL then Tolftes Sweriges / Göthes och Wendes &c. &c. Konungs PERSONALIER, Upläsne Wid Konglige Begrifningen... S. 18.

¹² Den Ny och mycket lustig Krijgz-Wijsa til Upmuntring samt tappert Courage åth alla Manhaftige och Tappre Swenska Soldater och kan siungas efter sin egen Melodie, såsom ock en liten ny Wijsa siunges efter en liuflig och bekant Tohn. 1709 / Palmsk. saml. 387. – S. 1415.

¹³ *Geisler J. Underdånigste Fägnatanckar öfwer Hans Kongl. Maj:ts vår allernådigste Konung Carl XII:s Högtbeprijselige Födelse-Dag, som den tjuguuåttonde gången inföll den 17 Junij år 1709 // Samlade Vitterhetsarbeten af svenska författare från Stjernhjelm till Dalin.* – Uppsala, 1866. – V. 4. – S. 336.

¹⁴ Эта библейская цитата встречается в «Слове похвальном» Феофана Прокоповича, но оказывается в принципиально ином контексте: «...все языцы, бранем хотяции, крайним ударении страхом утихнут и не рекут: Где есть Бог их?» (С. 199).

¹⁵ Götheborgz Tröst under Ödmiukt Upsåth Til Sann i Omwändelse Tå Owänneren wid närwarande Krijgzbuller sporskeligen frågar: Hwar är nu tin GUD? Här til swarar then Enfaldigaste: Ju högre titt Liud / ju närmar är Gud Wårom Konung I. Pet. III. v. XIII? o är then som kan göra ider Skada / Om j faren effter thet Goda? Tryckt Åhr 1709 den 26 Augusti.

¹⁶ Christelige Upmuntringar / til en ödmiuk Taksäjelse ... S. 7.

¹⁷ Ny-års Önskan som uti det Kongl. Huset in för Kongl. Öfwerheten är siungit och musicerad, Ny-års-Dagen 1710. Stockholm / Palmsk. saml. 387. – S. 1424.

¹⁸ Swea Rikets underdånige Nyåhrs Lyckönskan till Hennes Kongl. Höghet den Durchleuchtigste och Högborne Prinsessa ULRICA ELEONORA Sweriges Giötes och Wändes c.c. Arf-Prinsessa. I diupest underdånighet yttrad den I. Januarii åhr 1710 Stockholm / Palmsk. saml. 387. – S. 1427.

¹⁹ *Isogæus S. Carla seger-skiöld.* – Stockholm, 1714.

²⁰ *Ibid.* – S. 1003.

²¹ *Ibid.* – S. 467–468.

²² Det å Nyo Sig lefwandis wissande HOPP Til en önskelig Frijd ... / Palmsk. saml. 374. – S. 2101.

²³ Christelige Upmuntringar / til en ödmiuk Taksäjelse / för Hans Kongl. Majestäts af Sverige den Stormächtigste Konungs och Herres / Konung CARL den XIItes Lyckeliga Ankomst ifrån Turckiet. – S. 669.

²⁴ Johan Runius Lyck-önskan för vår allernådigste konung, thet kgl. Huset och hela riket, med aldradiupaste undersätelig vördnad framgiven på nyåhrs-dagen åhr 1713 // C.Carlsson. Försök til Swänska Skalde-Konstens Uphjelpande, Eller Samling at Utwalda Swänska Rim och Dikter.

²⁵ Gudz Underliga Nåd bewijsta på vår Allernådigsta Konung / Konung CARL then Tolfte Swerjes / Göthes och Wändes Konung &&& och wid Hans Maj:ss Högstönskliga hemkomst ifrå Demotica i Turckiet til sina Länder och Staden Strahlsund i Pommern / uti Novembris Månad Åhr 1714. Betrachtade af Petro P.Linnerio / Palmsk. saml. 387. – S. 1562.

²⁶ Vale Porta Ottomannica salve Svecia Höres nu med Glädie och Förundran då Gudz underbara Nåd / Krafft / Försyn och Beskydd öfwer den Store / i sielfwa Nöden förunderlige och oöfwerwinnerlige HJELTEN för hela Werlden bekante och märkwändigste Sweriges Konung CARL den XII. Werlden til Förundran och thet betryckta dock ey undertryckta Sverige til en osäjelig Glädie / skallade med theta Uthrop wijd samma Konungs lyckeliga och med Tårar länge effterlängtade Ankomst til sin Stad Strahlsund. Sij där / hafwen j Edar Konung / I. Sam. 12. – V. 13. Götheborg / Palmsk. saml. 387. – S. 1536.

²⁷ Then Stormächtigste Konungs / Konung CARL then Tolftes Sweriges / Göthes och Wendes &c. &c. Konungs PERSONALIER, Upläsne Wid Konglige Begrafningen / Som skedde uti Ridderholm Kyrkian I Stockholm Den 28 Februarii 1719. – Upsala, 1721. – S. 21.

²⁸ Then Stormächtigste Konungs / Konung CARL then Tolftes ... PERSONALIER ... S. 20.

²⁹ Johannis Runii, W.Gothi DUDAIM eller Andelige Blommor ... – Stockholm, 1714. S. 15. Граф Нильс Стромберг (1646-1723) воевал в Лифляндии, в 1710 г. защищал Ригу и после сдачи города некоторое время находился в русском плену.

³⁰ J.Gezelius d.y. J.J.N. At thet må hållas orädeligit i närwarande Fädernes-landess fahra / flyttia sigh och sin egendom / ifrå sina förrättningar och hemwist i Stockholm / til andra orter i Riket ... S. 496.

³¹ ГИМ. собр. Уварова. – Ф. 73. – Л. 117 (текст издан: *Богданов А. П.* Памятники общественно-политической мысли в России конца 17 века. Литературные панегирики. – М., 1993).

³² Труды киевской духовной академии. – 1875. – № 10. – С. 129.

³³ *Погосян Е. А.* Петр I – архитектор российской истории. – СПб., 2001. – С. 43, 61, 62.

³⁴ Панегирическая литература Петровского времени. – М., 1979. – С. 270.

³⁵ Журнал или Поденная записка... Ч. 1. – С. 23–24.

³⁶ *Шляпкин И. А.* Святой Димитрий Ростовский и его время (1651–1709). – СПб., 1891. – С. 285–286.

³⁷ *Ростовский Димитрий.* Слово о молитве в четверок 1 недели по Святом Дусе (проповедано во время начатия Шведской войны). Сочинения святого Димитрия митрополита Ростовскаго. Том второй, содержащий в себе поучения на Воскресные дни. – М.: Синодальная типография, 1827. – С. 340.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. – Т. I. – С. 52.

⁴⁰ *Магницкий Л.* Арифметика. – М., 1703. – Л. 301.

⁴¹ Christelige Upmuntringar / til en ödmjuk Taksäjelse / för Hans Kongl. Majestäts af Swerige den Stormächtigste Konungs och Herres / Konung CARL den XIItes Lyckeliga Ankomst ifrån Turckiet ... S. 17.